

Социокультурные основания кризиса, его возможности и угрозы

Нынешнее состояние России старшее поколение воспринимает, опираясь на два образа: период застоя (1965–1985 гг.) и период реформ (1985–2010 гг.). Мысленная реконструкция образа основных институтов и систем общества и государства в сталинский период сегодня требует напряженных размышлений и неизменно сопровождается дискуссиями. Первая треть XX в. стала в значительной мере предметом мифологии.

Молодежи трудоспособного возраста уже и период до 1991 г. видится в тумане — его реальный образ стерт антисоветской пропагандой. Познавательные инструменты молодежи, необходимые для анализа настоящего момента, изуродованы идеологической машиной «реформаторов».

Резкое сокращение диапазона исторической памяти младших поколений и сильная идеологизация образа прошлого у старших поколений значительно затруднили осознание причин и перспектив развития нынешнего общего кризиса мировой капиталистической системы и сложившихся в ее рамках обществ. Распад единой мировоззренческой матрицы российского (шире — постсоветского) общества и раскол исторической картины мира разных поколений разрушили информационную систему того, что было советским народом (нацией). Следствием этого стала утрата пространства диалога, без которого не может сложиться целостный образ той цивилизационной катастрофы, в которую втягивается мир.

В попытке восстановить пространство диалога журнал «Экономические стратегии» открывает серию очерков на тему «Социокультурные основания кризиса».

Батчиков Сергей Анатольевич — директор Центра проблем управления крупными социально-экономическими системами Международного научно-исследовательского института проблем управления, канд. экон. наук.

Распалась цепь времен

Ударив по самому чувствительному месту современного человека — его материальному благополучию и экономической безопасности, начавшийся в 2005 г. кризис мировой финансовой системы вызвал волну гипотез, теорий и моделей, лежащих в плоскости хозяйственной деятельности. Голоса тех, кто указывал на более широкие и фундаментальные основания этого кризиса и призывал расширить рамки моделей, объясняющих тип, масштаб и пространственно-временные рамки кризиса, утонули в хоре экономических трактовок и предсказаний.

Сейчас режиссеры упорядочили этот хор, убавилось его многоголосье, звучит он мощно и уверенно. В то же время стало совершенно очевидно, что он не затрагивает главных проблем бытия, которые приоткрыл кризис. Оказалось, что при всей значимости срывов и отказов финансовой системы и наносимых при этом ударов по «реальной» экономике и благосостоянию целых стран, классов и народов, речь идет о принципиально новом характере исторического вызова. Обнаружилось много признаков того, что «распалась цепь времен» и ход дальнейших событий нельзя вывести ни из кондратьевских циклов, ни из предсказаний Маркса, ни из кейнсианской трактовки Великой депрессии.

Разумеется, все эти модели полезно освежить и приложить к событиям последнего десятилетия, но уже видно, что они скользят по поверхности. Привычные элементы известных кризисов сложились в новую систему, которая не могла возникнуть раньше. Через оглушительные банкротства, аферы, биржевые катаклизмы, задолженность и дефициты бюджетов проглядывает новый пугающий лик будущего — хаос, в котором клубятся вихри зародышей пока неизвестных новых порядков, что и в кошмарах не могли привидеться ни Марксу, ни Кейнсу.

Конечно, этими прогрессистскими учениями, выросшими из оптимистического Просвещения, общественная мысль не исчерпывалась. Предсказания относительно цивилизационного кризиса делались давно. «Закат Европы» Шпенглера еще можно было списать на пессимистическое предчувствование фашизма как тупиковой попытки спасти Европу посредством создания «сверхчеловека». Но Шпенглер давал надежду — он выводил за рамки этого кризи-

Через оглушительные банкротства, аферы, биржевые катаклизмы проглядывает новый пугающий лик будущего — хаос.

са Россию как совершенно иной мир, не подвластный болезням Запада. Примерно таким же спасительным убежищем, в котором можно будет пересидеть «восстание масс» индустриальных европейцев, она виделась Ортеге-и-Гассету. Ему казалось, что русские, как молодой народ, не поддадутся принимающему давлению западной массовой культуры и пройдут через «кавказские ущелья» капитализма, сохранив свой молодой задор. Что греха таить, в СССР мы почти все были уверены в этом и какое-то время заражали этой надеждой духовно озабоченную часть Запада.

Но сегодня мы все больше склоняемся к мысли, что первым, кто описал грядущий катастрофический кризис без всяких обнадеживающих оговорок и без различения правых и виноватых, был выходец из России Питирим Сорокин.

Экзистенциальный кризис

Бродячий мальчик-иконописец, мыслитель и эсер, выросший в русской революции и хлебнувший ее самогона на самых разных сборищах и поминках, Питирим Сорокин был радушно принят в США и стал одним из при-

знанных основоположников современной американской социологии. Его опыт и запас мыслей поразил «уверенную в завтрашнем дне» буржуазную интеллигенцию. Но в 1942 г. П.А. Сорокин вдруг оставил свой пост декана социологического факультета Гарвардского университета и, как пишет его биограф, «стал выступать в качестве предвестника страшного суда и катастрофы». Это восстановило против него почти все сообщество соци-

ологов США, что, впрочем, вполне объяснимо. Но нас сейчас волнует не эта коллизия из его биографии, а то, каким образом он смог прозреть грядущее.

«Кризис нашего времени. Социальный и культурный обзор» (1941) — первая книга из серии его трудов о назревающем кризисе. В первой главе («Диагноз кризиса») он подчеркивает, что основные положения его концепции сложились еще до Великой депрессии и осознания близости Второй мировой войны. Признаки будущей катастрофы он увидел именно в период максимального благоденствия и расцвета американского общества. Его выводы вытекали из динамики культуры и социальных отношений в благополучной, а не кризисной фазе. Отсюда исходная методологическая позиция Питирима Сорокина: корни грядущего кризиса находятся в сфере культуры.

В своем анализе П.А. Сорокин даже сознательно отвлекается от экономического и политического факторов как второстепенных. Тут — кардинальное отличие его анализа от того, что мы видим сегодня, в том числе в среде российской интеллигенции, которая так гордится своей духовностью.

Главная мысль П.А. Сорокина сводилась к тому, что назревает кризис экзистенциальный, вызванный «износом», деградацией мировоззренческого фундамента «чувственной» цивилизации. Привычные формы экономических, финансовых и политических кризисов, с необходимостью присущих капиталистической формации, лишь маскируют распад культурных оснований общества.

Первую главу «Кризиса нашего времени» П.А. Сорокин начинает с выдержки из четырехтомного труда «Социальная и культур-

ления которой выходят за рамки непосредственного чувственного восприятия, а составляют трансцендентное видение вечного. Это синтез чувственной и идеалистической культур.

Нас не должен успокаивать тот факт, что П.А. Сорокин предсказывал кризис западного общества и оперировал эмпирическими данными только западного общества. Он писал для американского читателя, мы начинаем читать его книги только сегодня («Кризис нашего времени» полностью опубликован в Москве лишь в 2009 г.). Но главное, П.А. Сорокин и не вникал

Общество стало нечувствительным к социальным страданиям ближних.

ная динамика», изданного в 1937–1941 гг. и признанного его главным научным трудом. Он пишет: «Все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезный кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая нервная ткань... Мы живем, мыслим, действуем в конце сияющего чувственного дня, длившегося шесть веков. Лучи заходящего солнца все еще освещают величие уходящей эпохи. Но свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой переходной эпохи начинает опускаться на нас, с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами».

При этом П.А. Сорокин — не мрачный фаталист. Он предвидел именно светлое будущее человечества. Далее он пишет: «За ее [переходной эпохи] пределами различим рассвет новой великой идеациональной культуры, приветствующей новое поколение — людей будущего». Идеациональной П.А. Сорокин называл культуру, представ-

в такие тонкости, как различия между Западом и Россией. Речь у него шла обо всей современной цивилизации, и в этом смысле Россия уже шаг за шагом входила в ту систему, которую он назвал «чувственной» культурой.

Более того, П.А. Сорокин предвидел в СССР тот мировоззренческий сдвиг, который мы наблюдаем с 1980-х годов. В 1961 г. на XIX Международном социологическом конгрессе П.А. Сорокин делает большой доклад «Взаимная конвергенция Соединенных Штатов и СССР в смешанный социокультурный тип».

Эта утопия конвергенции, подхваченная в СССР А.Д. Сахаровым и некоторыми шестидесятниками, не сбылась, оказавшись сродни утопии общечеловеческих ценностей. Процесс пошел по гораздо более мрачному коридору.

Мечта П.А. Сорокина об образовании «смешанного социокультурного типа», который бы дал современной цивилизации шанс изменить курс и отвернуть в сторону «великой идеациональной культуры» — культуры высоких ценностей, любви и сотрудничества, была утопической.

В СССР уже начиналась эпоха Хрущева и «детей оттепели». Они повели дело даже не к конвергенции, а к капитуляции худшего толка, задушили сильную струю «идеалистической культуры» и скатились к культу мамоны. Дорога к глобальному кризису была открыта, сдерживающая сила — СССР — утрачена.

Таким образом, в ловушке того системного кризиса, который предвидел П.А. Сорокин, Россия оказалась вместе с США и Западной Европой — в этом смысле конвергенция состоялась, причем в худшем для России (да, похоже, и для Запада) варианте. Многие части прогноза не сбылись, но вектор был определен точно, с тем лишь уточнением, что ловушка кризиса оказалась глубже, и пока из ямы этого кризиса нам не различим «рассвет новой великой идеациональной культуры».

Звериный оскал «нового порядка»

Но перейдем от предвидений Питирима Сорокина к кризису в мире и России начала XXI в. Из пророчеств П.А. Сорокина мы можем взять лишь главное — идею о том, что кризис вызревает в трех срезах культуры: мышлении, социальных формах и внерациональных «отсеках» духовной сферы. Сегодня его обращение к морали, совести и ценностям цивилизованного человека (язык и логика которого пребывают еще в докризисном времени), нам, контуженым реальным кризисом, кажутся наивными и неуместными. С другой стороны, Питирим Сорокин не мог предвидеть, во что выльется конкретный постиндустриализм и постмодерн. Даже футурологи 1970-х годов не ожидали, что техническими и культурными средствами информационного общества раньше других овладеют глобальная финансовая преступность, клики миллиардеров-аферистов и международный терроризм, действующий по заказу любой корпорации или спецслужбы.

Начнем с того, что нынешний эпизод кризиса, вызревший в 1990-е годы, противоречит канонам и нормам модерна уже тем, что он создан благодаря новаторским усилиям небывалого международного синдиката. Это союз мальтузианцев-неолибералов, бывших троцкистов, а теперь неоконков США, и бывшей номенклатуры КПСС с ее бывшими генсеками и агентами влияния. Такого никакой Сорокин не мог предсказать. А потому и заваренный этим интернационалом кризис не вменяется в рамки экономических моделей, даже самых оригинальных.

Мы одновременно переживаем два, казалось бы, взаимоисключающих разрыва. Первый — радикальный разрыв с христианской этикой (в ее и протестантской, и православной, и социалистической версиях). Второй — одновременный разрыв с Просвещением, с его идеалами и нормами рациональности, в том числе антирелигиозными.

Этот «системный» разрыв и в когнитивной, и в ценностной плоскости больше всего переживается в России, ибо она в XX в. была глубже других стран погружена в мироощущение, основанное на христианской и социалистической этике и на пафосе Просвещения с его культом развития и науки. На этом она и революцию провела, и чрезвычайную индустриализацию, и Великую Отечественную войну. Запад уже прошел пик своего подъема и «спускался в долину», культурная травма утраты Евангелия с Просвещением здесь была смягчена, если вообще замечена в хаосе потребительства, мультикультурализма и скандальных афер.

Поскольку наши экономисты и мыслители все еще погружены в распадающуюся структуры официального христианства и официального Просвещения, они не замечают звериного оскала пожирающего эти остатки «нового порядка». Странно то, что этого

не видят именно в России, которая совсем недавно, в 1980-е годы, пережила всплеск духовной энергии. Даже Китай, позже начавший «скользить по той же грязи», уже озабочен главными смыслами кризиса гораздо сильнее, чем Российская академия наук.

Перестройка системы этических ценностей произошла так быстро, что большинство в России до сих пор не может опомниться. Видимо, правильнее было бы сказать, что произошла не перестройка системы ценностей, а «смена власти». Наверх — в кабинеты начальников, к сейфам банков и к управлению СМИ пришла социальная группа, которая в советское время вела двойную жизнь и лишь ждала момента утвердить — силой денег, телевидения и дубинки — свои выстрадавшие ценности. Теперь на их улице праздник.

Можно ли было ожидать, что тон в России будут задавать люди типа нынешних олигархов?! Последние два года были крайне тяжелыми для населения целых городов, где остановилось производство, при этом олигархи прожигают сотни миллионов долларов в Куршевеле и тратят на яхты. У этой созданной политическими средствами прослойки богачей не возникло даже мысли приложить свои усилия и толчку денег для организации каких-либо новых социальных форм, облегчающих воздействие кризиса на жизнь людей. Наоборот, они,

как пиявки, еще сильнее присосались к бюджету. Их отказ от всяких социальных обязательств является демонстративным и наглым, как будто в них веками копилась мечта отомстить народу, в котором они родились на свет.

Да и не только об олигархах (и шире — о бизнесменах) речь. Общество в целом стало нечувствительным к социальным страданиям ближних. Нам не жаль ни сограждан, ни себя лично. Почти никто не желает знать, что происходит с миллионами людей, которых кризис сбросил на социальное дно. В свое время российский обыватель и образованная часть общества западного обсуждали и переживали драму Горького «На дне». Кого сейчас заинтересуют проблемы этих отверженных?! Москвичи долго ныли, чтобы убрали бездомных и нищих из метро. Власть избегала нести этот крест, но в конце концов вяла нытью. Куда вывезли бездомных и нищих, где их спрятали? Как-то зимой был показан сюжет: милиция отвозит этих людей на отдаленные свалки на окраинах области — в мороз они не скоро и не все добредут до Москвы. Больше таких неприличных сюжетов не показывали, и все поспешили забыть его. Метро на время вновь обрело цивилизованный вид, почти как в советское время.

Эта антисоциальная и античеловечная позиция выражена в России прямее и грубее, чем на За-

паде, но дело движется в том же русле. Нынешний кризис радикально отличается от больших кризисов прошлого. Во время Великой депрессии ВВП США сократился на треть — и бедствие было распределено по всему обществу. Конечно, неравномерно, но ударило по всем социальным группам. Его переживала страна в целом, это отразилось в искусстве и стало национальным преданием. Сегодня спад ВВП составляет 1–2%, но солидарного переживания беды нет и следа. Число миллиардеров растет, топ-менеджеры грызутся за свои фантастические бонусы, а в это время растет армия безработных, разоряются тысячи и тысячи малых предприятий.

Почему? Ведь если бы спад ВВП разделили на все общество, его бы никто и не заметил, потребовались бы лишь организационные усилия, нацеленные на структурные изменения и создание новых социальных форм, дополняющих рынок. Этого не делают исключительно из-за эгоистических установок крупного транснационального капитала и атрофии чувства солидарности в обществе. Если исходить из критерия экономической выгоды на уровне отдельной корпорации, то, вероятно, эти установки оправданны. Но ведь целое при этом погружается в кризис! Это не что иное, как

откат к субоптимизации времен дикого капитализма.

В количественном измерении рецессия на Западе невелика, но в больших масштабах уничтожается национальное богатство, калечатся целые социальные группы. Так, на побережье Испании обанкротились и брошены множество отелей, которые удивительно быстро ветшают и превращаются в руины. Без работы оказались тысячи человек. Если бы государство и структуры гражданского общества озаботились страданиями людей, омертвленные мощности и рабочие руки можно было бы загрузить. Но вместо этого выплачиваются пособия по безработице, а «невидимая рука рынка» уничтожает «слабых».

Еще в 1980-е годы даже язык парламентских дебатов был совсем иным. Сейчас при всем желании невозможно уловить разницу в выступлениях социал-демократов и правых, хотя всего 20 лет назад молодые социал-демократы и молодые активисты правых партий как будто видели мир по-разному и говорили на разных языках. Что произошло? Они же не переметнулись в другой лагерь. Значит, изменились социальные условия их нового бытия. У этого поколения обнаружился такой высокий уровень пластичности духовной сферы, которого мы в зажатости

советского порядка не могли себе представить.

Современный городской житель оказался гораздо более беспринципным, чем нам казалось. У него нет запретов, которые на человека традиционного общества налагали религия, традиция, совесть и социальный контроль общины, семьи, трудового коллектива. В России все это рухнуло вместе с советским строем, а коррумпированное государство не смогло установить контроля права взамен отмененной совести. Более того, коррупция удобрила почву, на которой вырос чудовищный урод массовой организованной преступности.

Недавно председатель Конституционного суда В.Г. Зорькин предупредил, что нам угрожает сдвиг «от государства криминализованного к криминальному». И тогда «наши граждане поделятся на хищников, вольготно чувствующих себя в криминальных джунглях, и «недочеловеков», ставших просто пищей для этих хищников». А ведь это — следствие провала в нашей культуре.

Да правовой контроль и на Западе дает сбой — достаточно вспомнить обнаруженные в последние годы случаи воровства представителей крупного капитала. Без соучастия политиков они не могли бы многие годы безнаказанно манипулировать средствами банков, корпораций или бирж. Тут не в размерах капитала дело: люди, разоблаченные как воры, остаются уважаемыми членами элиты, вот в чем симптом кризиса.

Избыточное население

Какие же границы нарушила капиталистическая система, чтобы вновь начать культивировать социал-дарвинизм и мальтузианство, которые даже в эпоху дикого капитализма были преодолены сравнительно быстро? Объяснение может быть дано такое. В 90-е годы XX в. в ходу появилось

выражение: «общность, которую нет смысла эксплуатировать». Это означало вступление капиталистического промышленного производства в новый этап развития: целые социальные группы (и даже целые народы) в разных регионах земного шара удаляются с рынка рабочей силы и даже не переводятся в резервную армию безработных. Население стало для капитализма избыточным, рынок товаров насыщается при относительном сокращении промышленного персонала. Другой ценности, кроме как быть товаром, «рабочая сила», люди в этом укладе не имеют. Но только сегодня это вдруг обнаружилось со всей очевидностью, без фиговых листков.

До 1991 г. капиталистическому производству в этом смысле противостоял социалистический лагерь, в котором социальный порядок подчинялся принципу «от каждого — по способности». Иными словами, каждый человек был чем-то ценен для общества и потому наделен неотчуждаемым правом на рабочее место. Это имело большой демонстрационный эффект и было важным фактором устроения в зоне капитализма «социального государства» — если человека отвергал рынок рабочей силы, государство выплачивало ему значительное пособие по безработице. Ликвидация СССР устранила этот неприятный для собственников фактор.

В течение 1990-х годов положение быстро менялось. Технологический прогресс промышленного производства дополнился вторым важным обстоятельством — была достигнута своеобразная хозяйственная интеграция Запада с Китаем, взявшим на себя роль промышленной «мастерской мира». Эта идея вынашивалась на Западе с конца XIX в., но тогда Китай рассматривался как управляемая периферия капиталистической системы, зона пребывания и работы внешнего пролетариата. Кажется парадоксальным, но этот проект оказался успешным именно бла-

годаря китайской революции, социалистической индустриализации, созданию современной системы всеобщего образования советского типа.

В результате в конце XX в. Китай смог обеспечить квалифицированную, здоровую и дисциплинированную рабочую силой крупномасштабное промышленное производство, удовлетворяющее большую долю мирового спроса на стандартные товары. Запад предоставляет для этого производства технологии, некоторые материалы и компоненты, науч-

Кризис вызревает в трех срезах культуры: мышлении, социальных формах и внерациональных «отсеках» духовной сферы.

ную и техническую помощь. При этом он не имеет никаких социальных проблем с многомиллионным внешним пролетариатом — с ним эффективно управляют Коммунистическая партия Китая и государство КНР.

Сейчас, когда вполне отработано это взаимодействие, избыточной стала и значительная часть трудящихся в самой метрополии — и здесь возникли «общности, которые нет смысла эксплуатировать». Это подстегнуло программу глобализации — элита стремится избавиться от всякой ответственности перед населением своих стран. Мы наблюдаем разрыв с этикой социального государства и прежней этикой буржуазии как части нации. Еще в 1980-е годы в Западной Европе при нарастании безработицы предприниматели и профсоюзы договаривались сокращать рабочий день и увеличивать численность персонала. Рабочие шли на некоторое сокращение зарплаты (в обмен на увеличение услуги), хозяева — на некоторое увеличение издержек. Они «делились» работой с теми, кого иначе выбросили бы на улицу.

Теперь картина резко изменилась. Ужесточилось трудовое законодательство, резко упростился порядок увольнения работников, увеличилась доля краткосрочных контрактов, расширилось использование рабочей силы мигрантов. Идет деклассирование рабочего класса метрополии, культура солидарности осталась в прошлом.

В России все эти процессы протекают в гипертрофированном виде. Растет безработица, те, кто сохранил свои рабочие места, работают сверхурочно, а иногда и в нескольких местах. Контин-

гент промышленных рабочих непрерывно сокращается, а власть сквозь пальцы смотрит на широкое распространение полукриминального найма трудовых мигрантов, социальные права которых нарушаются. Поскольку прибыль стала высшим критерием, всякая этика подавлена, и в сознании экономической элиты господствует психология «белокурой бестии». Общество разрушается на глазах.

В новогоднем номере А.И. Агеев ввел важное понятие «ресурсы жизни». В последние годы мы наблюдаем — и в России, и в мире — резкое ускорение растраты ресурсов жизни. Иногда их растранивание принимает характер языческих оргий, причем сильные мира сего вырывают эти ресурсы буквально изо рта целых народов — и растрачивают их бессмысленно. Как будто ими овладела воля к смерти.

Это и есть корень тотального кризиса. Ветви и плоды этого быстро растущего монструозного дерева будут описаны в следующих статьях.

ПЭС 10174/01.09.2010